

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ I В. ДО Н.Э. ПО МАТЕРИАЛУ РЕЧИ ЦИЦЕРОНА В ЗАЩИТУ ПУБЛИЯ КВИНКЦИЯ

Беляева Дарья Андреевна

Аспирант, Российский Государственный Гуманитарный
Университет, г. Москва
sharky36@narod.ru

SOCIO-POLITICAL ATMOSPHERE IN THE ROMAN REPUBLIC I CENTURY B.C. ON THE MATERIAL OF CICERO'S SPEECH PRO QUINCTIO

D. Belyaeva

Summary: This article analyzes Cicero's speech "Pro Quinctio". The article explores the historical and political features of the Sullan dictatorship, mentioned in Cicero's speech. The purpose of this work is to identify social and political problems that faced society in the Sullan era, for compiling the overall picture, the historical-genetic method is used. As a result research highlighted a number of problems facing Sullan society, such as: the memory of the Marius's terror, coexistence in the society the former companions of Marius and the current associates of Sulla and features of the judicial production in the era of the Sullan dictatorship.

Keywords: Cicero, Sulla, Marius, political terror in the Roman Republic, judicial proceedings in the Roman Republic, crisis of the Republic, proscription.

Аннотация: Данная статья исследует речь Цицерона "В защиту Квинкция". Статья исследует историко-политические особенности сулланской диктатуры, затронутые в речи Цицерона. Цель этой работы выявить социальные и политические проблемы, которые стояли перед обществом в сулланскую эпоху, для составления общей картины используется историко-генетический метод. В результате исследования был выделен ряд проблем, стоящих перед сулланским обществом, таких как: память о марианском терроре, сосуществование в обществе бывших сподвижников Мариа и нынешних сподвижников Суллы и особенности судебного производства в эпоху Сулланской диктатуры.

Ключевые слова: Цицерон, Сулла, Марий, политический террор в Римской Республике, судебное производство в Римской Республике, кризис Республики, проскрипции.

Речь в защиту Квинкция, произнесенная Цицероном в 81 году до н.э. является одной из первых в его карьере. Из сохранившихся речей она является первой, хотя Цицерон упоминает, что участвовал в судах и до этого. В этом деле Цицерон сошелся со знаменитым оратором Гортензием. Позже эти ораторы еще схлестнутся в деле Верреса, и Цицерон одержит безоговорочную победу над своим соперником.

О решении по делу Квинкция достоверно неизвестно. Однако, эта речь стала важной вехой в карьере молодого Цицерона. Суть дела заключается в том, что брат Публия Квинкция вступил в товарищество с Секстом Невием. Публий Квинкций унаследовал долги брата и дал опрометчивое обещание их заплатить. Его поручитель погиб, а Невий, в отсутствие Квинкция в городе, зафиксировал его неявку в суд. Причем по другим своим делам, согласно Цицерону, Квинкций просил отсрочки. [5, с. 310]

Данное дело касалось уплаты долгов и носило бы сугубо финансовый характер, если бы не определенные обстоятельства. Пьер Грималь пишет:

«Было и еще одно обстоятельство, неблагоприятное

для ответчика. В качестве своего «прокуратора» (то есть лица, уполномоченного защищать интересы Квинкция в пору его отсутствия) он избрал некоего Секста Альфена — римского всадника, который на следующий же год оказался в проскрипционных списках Суллы. Дело поэтому могли представить так, будто расхождение Квинкция и Невия касалось не только материальных интересов, но имело и политическую подоплеку, будто Квинкций в глубине души оставался марианцем, тогда как Невий даже и в трудные дни сохранял неколебимую верность Сулле.» [1, с. 107]

Таким образом в данном деле появляется и иная, уже не финансово-юридическая, а политическая проблема.

Итак, в речи примечательно не только ее значение, как хронологически первой из сохранившихся, и как образца стиля раннего Цицерона, но и социальный контекст, окружавший оратора в то время, когда разворачивалось дело Невия против Квинкция. Дело Квинкция разбирается в эпоху власти Суллы и имеет под собой глубокий подтекст, специфический для диктатуры Суллы. Пьер Грималь в уже упомянутой работе «Цицерон» пишет:

«В Риме, однако, любой судебный процесс оказывался в зависимости от политического положения в городе. Ощущается эта зависимость и в речи «В защиту Квинкция». [1, с. 109]

При этом, безусловно, анализировать речь в защиту Квинкция с этой точки зрения значительно сложнее, чем речь в защиту Секста Росция Америкейского. В деле Секста Росция Америкейского Цицерон напрямую касается темы политических преследований, тогда как в деле Квинкция социальный контекст осознается более сложно, оказывается скрыт за, строго говоря, рутинными обстоятельствами дела. Однако, как уже было упомянуто, дело Квинкция разворачивалось на определенном социально-историческом фоне, что имело непосредственное влияние на его ход.

К примеру, Грималь пишет:

«Публий Квинкий, как мы помним, дабы приостановить действие преторского эдикта, лишившего его имущества, прибег к интерцессии народного трибуна. Трибуном этим был Марк Юний Брут, отправлявший свою магистратуру в 83 году, то есть до принятия сулланских законов. Между тем один из законов Суллы, так называемый Корнелиев, как раз касался границ трибунской власти и лишал трибуна абсолютного права приостанавливать действие эдикта, вынесенного магистратом (в деле Квинция — претором); правом этим трибун мог отныне пользоваться для защиты гражданина только при учете всех сопутствующих обстоятельств данного дела. Как признал позже сам же Цицерон в одной из веррин, Корнелиев закон отнимал у трибунов право «приносить вред, но оставлял возможность оказывать помощь». [1, с. 113]

Таким образом дело разворачивалось на фоне ограничения трибуната и изменения его значения. Интерцессия народного трибуна, к которой вынужден был прибегнуть Квинкий, таким образом, всегда могла быть объявлена недействительной, такие рычаги воздействия у противников были.

Цицерон, впрочем, крайне остроумно находит среди людей, повлиявших на дело, как сторонников Мария, так и сторонников Суллы. После чего придавать делу политическое измерение становится невыгодным для обеих сторон.

Грималь отмечает важную черту речи в защиту Квинция.

«Не менее важно было и то, что Цицерон продемонстрировал на процессе свою способность видеть политический контекст судебного дела.» [1, с. 121]

Именно политический контекст в речи в защиту Квинция представляется самым важным.

Грималь пишет о том, что существовали и другие речи Цицерона, над которыми он работал и которые представил в сулланскую эпоху. Он приводит в пример речь в защиту так называемой «женщины из Аретия». Женщина была обращена в рабство, и Цицерон отстаивал ее свободу. Грималь пишет:

«Цицерон выдвинул тезис, согласно которому право гражданства вообще неотчуждаемо; то был явный вызов Сулле, поскольку незаконной объявлялась мера, им принятая. Как ни странно, суд счел тезис Цицерона правильным, и женщина была признана свободнорожденной.» [1, с. 125]

Здесь мы видим, как Цицерон вступает в противоборство пусть не с самим Суллой, но с порожденным им порядком. Усилится такое противостояние в известной нам речи в защиту Секста Росция Америкейского. Однако и в речи в защиту Секста Росция Америкейского, Цицерон, опасаясь за свою безопасность, делает множество осторожных высказываний о том, что лично Сулла в бедах государства никоим образом не повинен. При этом к противникам Суллы Цицерон также относился со скепсисом и отзывается о марианцах весьма жестко. Такой пример из речи в защиту Квинция приводит Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек.

Она утверждает, что Цицерон не испытывал никакой симпатии ни к одной из сторон, а представлял такую оппозицию Сулле, которая сложилась внутри нобилитета, вернее той его части, которая состояла из сторонников традиционного республиканского управления. Эти утверждения выглядят обоснованными, причем не только, как пишет об этом сама М.Е. Грабарь-Пассек, связями Цицерона с родом Цецилиев Метелл но и в целом позицией Цицерона относительно республиканского строя в Риме, которой он, так или иначе, придерживался всю жизнь. [2, с. 18]

Схожую позицию, которую можно соотнести с позицией Марии Евгеньевны Грабарь-Пассек, выражает и А.В. Короленков. В своей работе «Первая гражданская война в Риме» он пишет:

«Однако у Цицерона есть определение интересующего нас понятия, имеющее, так сказать, универсальный характер: «Кто стал бы терпеть оптиматов, которые присвоили себе это наименование не с согласия народа, а в собственных собраниях (*nam optimatis quidem quis ferai, qui non populi concessu, sed suis comitiis hoc sibi nomen adrogaverunt?*)?» (*De rep. I. 50*). Иными словами, речь идет о самоназвании римской олигархии, т.е. наиболее активной в политическом отношении части нобилитета,

прежде всего тех, кто контролировал сенат и, соответственно, стоял за его господство в политической жизни. Очевидно, что и Марий, и Сулла в условиях гражданской войны господство этой олигархии своими действиями подрывали, а потому вряд ли в данном смысле могут считаться оптиматами. К Сулле это понятие можно применить лишь по результатам его деятельности как диктатора, да и то *mutatis mutandis*.» [3, с. 206.]

Определение Цицерона, подмеченное Антоном Викторовичем Короленковым как нельзя лучше подходит для описания данного М.Е. Граббарь-Пассек, покровителям Цицерона, то есть роду Метеллов.

Так или иначе, линия, которая весьма явно прослеживается в речи в защиту Секста Росция Америкского, и которая там выражена не в пример сильнее благодаря специфическим обстоятельствам дела, начинает проявляться уже в речи в защиту Квинкция.

Мы в точности не знаем, чем завершилось дело Квинкция, однако С. Л. Утченко рассуждает об этом так:

«Нам точно не известен исход процесса, но, судя по тому, что уже в следующем году Цицерон был приглашен защищать члена самого рода Росциев, можно предположить, что защита Квинкция принесла успех молодому адвокату.» [4, с. 174.]

С Сергеем Львовичем Утченко сложно не согласиться, ведь Цицерон выступал в защиту Квинкция по просьбе одного из Росциев. Поэтому, в случае успеха Цицерона, очевидным было бы привлечь его к защите фамилии в деле Секста Росция Америкского, точно также, как в случае неуспеха — логичным было бы Цицерона к такому ответственному делу не привлекать. Схожих позиций придерживается Грималь. [1, с. 133]

Утченко пишет:

«Дело Росция вызвало гораздо более широкий резонанс в римском обществе. Это объяснялось прежде всего тем, что оно имело определенный политический оттенок. Подобное значение процесса, его связь с общим «положением дел в государстве» подчеркивались самим Цицероном в первых же вступительных фразах его речи.» [4, с. 190.]

Безусловно, дело Росция имело большее политическое значение, чем дело Квинкция, однако несправедливо было бы недооценивать то, как именно Цицерон провел дело Квинкция. В его речи уже видно и мастерство оратора, и проявляется сложная, двусмысленная политическая обстановка, в которой приходится действовать защитнику для того, чтобы его подзащитный не был обвинен в связях с нежелательными политическими груп-

пировками. Именно эта специфика: не политическое дело с политическим подтекстом, делает речь в защиту Квинкция крайне интересной для рассмотрения.

Даже в самом начале своей речи Цицерон отпускает осторожный намек на жесткость и коррумпированность сулланской элиты.

Он пишет:

«*Quae res in civitate duae plurimum possunt, eae contra nos ambae faciunt in hoc tempore, summa gratia et eloquentia; quarum alterum, C. Aquili, vereor, alteram metuo. Eloquentia Q. Hortensi ne me in dicendo impediatur, non nihil commoveor, gratia Sex. Naevi ne P. Quinctio noceat, id vero non mediocriter pertimesco*.» [5, с. 291]

«Две наиболее могущественные вещи в нынешнее время против нас — благосклонность и красноречие. Из этого одно меня пугает, другое же — ужасает. Красноречие К. Гортензия мне в моей речи будет препятствовать, но быстрее благосклонность к Сексту Невию П. Квинцию навредит, этого я в действительности опасуюсь. [здесь и далее собственный перевод автора статьи, необходимость перевода автор видит в том, что статья освещает определенные аспекты речи Цицерона, которые собственный перевод позволяет проявить и выделить.]

М.Е. Граббарь-Пассек рассуждает о начале этой речи, а также о чуть позже упоминаемом в этом же отрывке «насилии» так:

«Самые первые слова этой речи заключают в себе по существу критику той формы правосудия, с которой ему приходится иметь дело: «Две сильнейшие пружины государственной жизни — протекция и красноречие — действуют сегодня обе против нас» («За Публия Квинция» 1, § 1). Цицерону предстоит бороться «*contra vim et gratiam*», т.е. против насилия и потворства; слово «*gratia*» употреблено, несомненно, в дурном смысле.» [2, с. 19]

Действительно, слово *gratia*, кажется, имеет иронический оттенок, однако вместо предложенного М.Е. Граббарь-Пассек «протекция», в данной статье используется более ироническое и вместе с тем положительно окрашенное «благосклонность». Можно сравнить употребление этого слова с последующими, особенно ярко явленными нам в речи в защиту Секста Росция Америкского подчеркнута ироническими высказываниями о невиновности Суллы в происходящем в государстве.

Цицерону, как молодому адвокату, представляется чрезвычайно важным открыто и спокойно говорить о своей неопытности. Он весьма умело и остроумно хвалит своего соперника Гортензия, который позже уступит ему пальму первенства. Секста Невия же Цицерон метко

называет «*adversario gratiosissimo*», то есть «противником, пользующимся величайшей благосклонностью». [5, с. 292]

Сразу же Цицерон критикует, по сути, саму судебную систему, которая выступает на стороне сильного, пользующегося наибольшей благосклонностью тех, кто находится при власти. При этом Цицерону удается не просто сохранить баланс между критикой и иронией, но и свести это ироническое замечание по поводу власти к обаятельному представлению самого себя, как человека неопытного и не слишком уверенного в победе. Ирония над властью и самоирония сливаются в единстве его остроумного вступления.

М.Е. Грабарь-Пассек пишет:

«Открытых судебных процессов во время диктатуры Суллы почти не было, и Цицерон решается высказать только надежду на то, что суд покажет себя достаточно беспристрастным и вступится за права обижаемого подданимого.» [2, с. 20]

Цицерон, столкнувшись со сложным делом, в котором важны не только юридические тонкости, но и, причем в первую очередь, политический вес истца и ответчика, взывает к справедливости. Цицерон говорит, что если истина в этом деле не победит, то «*nihil est iam sanctum atque sincerum in civitate*» - «ничего уже не осталось священного и чистого в государстве». [2, с. 20]

Итак, Цицерон кратко вводит слушателей в курс дела, повествуя историю Публия Квинкция и его брата, имевшего неосторожность вступить в товарищество с Секстом Невием.

Цицерон живописует аферу Секста Невия, выставляя его хитрым мошенником и призывая судей посочувствовать наивности Публия Квинкция. Дело, касающееся финансов товарищества и уплаты долгов, в речи Цицерона обретает невероятный размах. Долгая и мучительная тяжба между Невием и Квинкцием превращается в авантюрный роман о плуте Невии и доверчивом, честном Квинкцие. Цицерон обрушивается с критикой на моральные качества Секста Невия, так что в конечном итоге перед нами предстает неприятный, жадный пройдоха. Тогда как образ Публия Квинкция наоборот предстает перед нами в драматической серьезности маленького человека, который отличается честностью, скромностью и простотой.

Даже в противопоставлении этих образов проглядывает некий социальный посыл. Секст Невий, который обладает *gratia* вышестоящих, является, во всяком случае таким выставляет его Цицерон, жуликом и пройдохой, тогда как Публий Квинкций как раз представляет собой угнетенного человека, который не обладает правиль-

ными связями, и которому сложно себя защитить. Итак, в вырисовывающихся образах уже проглядывает социальный пейзаж сулланской эпохи.

А затем прослеживается политическое вмешательство, когда Цицерон упоминает еще недавно иной социальный пейзаж, в котором Алфен, поручитель Квинкция, имел иной вес.

«*An vero id quod Hortensium, quia nuper iniecit et quia Naevius semper id clamitat, dicturum arbitror, non fuisse Naevio parem certationem cum Alfeno illo tempore, illis dominantibus*»? [5, с. 294]

«В самом деле это то, что недавно утверждал Гортензий, и что постоянно выкрикивает Невий, я полагаю, он скажет: не мог Невий быть готовым к противостоянию с Алфеном в те времена, когда те были у власти.»

Совершенно очевидно, что здесь Цицерон намекает на принадлежность Алфена к марианской партии. И следом говорит вещь, которая кажется крайне интересной в контексте сулланской эпохи:

«*Mihi autem ad vincendum satis est fuisse procuratorem quicum experiretur; qualis is fuerit, si modo absentem defendebat per ius et per magistratum, nihil ad rem arbitror pertinere*». [5, с. 295]

«Мне, тем не менее, чтобы нанести им поражение достаточно того, что у него (Квинкция) был поручитель, с которым можно работать, если только он защищал отсутствовавшего по закону и перед магистратами, ничто другое к делу суда не имеет отношения.»

Таким образом, Цицерон предпринимает попытку отделить юридическое от политического, заставить закон работать вне зависимости от изменений социального пейзажа. А здесь снова требуется вспомнить цитату Грималья, вынесенную в начале данного текста: суд в Риме всегда зависим от политического положения в городе. Крайне смелое начинание со стороны Цицерона — попытаться разорвать эту зависимость. И, безусловно, опасаясь встретить сопротивление противной стороны, он тут же приводит их аргумент и обрушивается на него. Единственный способ Цицерона играть на этом поле — уравнивать шансы обеих сторон, обвинив противника в связях с марианцами. Цицерон обрушивается на Секста Невия, обвиняя его в связях с марианцами. Эти связи уравнивают Алфена, поручителя Квинкция, и истца Невия. Вот каким образом Цицерон говорит о прежних убеждениях и социальных связях Невия:

«*"Erat," inquit, "illarum partium." Quid ni? qui apud te esset eductus; quem tu a puero sic instituisses ut nobili ne gladiatorum quidem faveret. Si, quod tu semper summe cupisti, idem volebat Alfenus, ea re tibi cum eo par*

contentio non erat? "Bruti," inquit, "erat familiaris; itaque is intercedebat." Tu contra Burrieni qui iniuriam decernebat, omnium denique illorum qui tum et poterant per vim et scelus plurimum et, quod poterant, id audebant. An omnis tu istos vincere volebas qui nunc tu ut vincas tanto opere laborant? Aude id dicere non palam, sed ipsis quos advocasti. Tametsi nolo eam rem commemorando renovare cuius omnino rei memoriam omnem tolli funditus ac deleri arbitror oportere». [5, с. 297]

«Так, - отвечает, - партия *тех*. Почему нет? Ведь он среди вас вырос. Кому ты, будучи еще мальчиком, так объяснял, что нобилю, даже гладиатору, нельзя выказывать поддержки. Что, если твои желания всегда были подобными тому, что хотел Алфен. И после этого дело твое и его, и аргументы были неравны? С Брутом, - отвечает. - Был близок, поэтому он вступался. Ты, с другой стороны, с Бурриеном, который беззаконие установил, и вообще все в то время, что могли силой и многими преступлениями сделать, то дерзали делать. Или ты победы тем желал, которые сегодня так стараются, чтобы ты в своем деле победил? Дерзни это сказать, хотя бы негромко, тем, кто тебя защищает. Тем не менее не хочу вспоминать это дело, которое следует целиком и полностью забыть, и стереть из памяти, что мне представляется необходимым.»

Итак, мы видим, что Цицерон и в биографии Секста Невия находит те самые порочащие связи с предыдущей партией. Собственно, Цицерон даже не называет этих людей вслух, не уточняет, обходясь всем современникам понятным обозначением «те времена», «та партия» (*illo tempore, illarum partium*).

Цицерон обвиняет Невия в лицемерии. Алфен, по видимому, погиб, оказавшись в проскрипционных списках. Это косвенно подтверждает дальнейшая продажа его имущества с молотка, организованная Суллой, как это делалось, когда имущество проскрибированных уходило к государству.

Итак, по мнению Цицерона, Алфен «*cum eis et propter eos periit quos diligebat*», с теми и из-за тех, кого любил. [5, с. 300]

То есть, Алфен, попавший в проскрипционные списки, остался верным своим соратникам и товарищам до конца. Тогда как Невий, напротив, «*postquam qui tibi erant amici non poterant vincere, ut amici tibi essent qui vincebant effecisti*», «после того, как ты понял, что бывшие твоими друзьями не смогут победить, друзьями твоими стали те, кто побеждали». [5, с. 300]

Таким образом, Цицерон не только обозначает моральный уровень оппонента, но и ставит его в ще-

котливую ситуацию, когда влиятельные силы, поддерживающие его, могут счесть поведение Невия весьма оскорбительным.

Как мы видим, тени прошлого преследуют римское общество, поляризованное в своем отношении к «тем» и «этим» людям. Подчеркнем, что Цицерон не называет конкретных имен. Он пользуется абстракцией для того, чтобы очертить реальную картину противостояния в обществе, и с художественной точки зрения такая картина кажется еще более жуткой, рисующей некоторое «общество умолчания», в котором прошлое может актуализироваться в любой момент.

Далее следуют подробности дела и заметный пропуск в рукописи, несохранившийся фрагмент, по-видимому, повествует о дальнейших финансовых махинациях Невия против Квинкция.

В финале Цицерон еще раз говорит о моральном посыле дела. Он выступает с тем, что здесь сталкиваются не просто два гражданина со своими проблемами и делами, но также два образа жизни — роскошный городской и скромный сельский.

В этом абзаце можно усмотреть и политический смысл. Невий, имеющий политическое влияние, нападает на человека маленького, практически перед ним беззащитного. Цицерон говорит о положении Невия, его влиянии и его связях. Все это становится политическим фактором в финансовом деле. Моральное осуждение проглядывает и в словах:

«*Ista superiora esse ac plurimum posse his moribus sentit.*» [5, с. 301]

«Квинкций чувствует, что Невий выше и больше может».

Завершает свою речь Цицерон, мастерски выписывая страдания Квинкция, тогда как Невий обретает в его словах фактически злодейский вид.

Об итоговом решении суда мы достоверно не знаем. Итак, речь в защиту Квинкция показывает нам не только перипетии судеб конкретных акторов этого дела, но и социально-политическую атмосферу эпохи наивысшего влияния сулланской партии, а также социальные сложности перехода власти от марианцев к сулланцам, накаленную атмосферу общества.

Речь в защиту Квинкция еще не вскрывает нарывы общества, как делает это речь в защиту Секста Росция Америкейского. Но она мягко обозначает болезненные места эпохи сулланской диктатуры и непреодолимую поляризацию общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грималь П. Цицерон. / Пер. с франц. Р.Б. Сашиной, Г.Б. Кнабе. М.: Молодая Гвардия, 1991. - 544 с.
2. Грабарь-Пассек М.Е. Начало политической карьеры Цицерона (82-70 г. до н.э.) / Цицерон. Сборник статей. Под ред. Ф.А. Петровского. М.: Академия Наук СССР, 1958. - 152 с.
3. Короленков А.В. Первая гражданская война в Риме. М.: Евразия, 2020. - 464 с.
4. Утченко С.Л. Цицерон и его время. М.: Мысль, 1986. - 352 с.
5. Цицерон Марк Туллий. Речи. / Пер. с лат. Алексеев В.А., Зелинский Ф.Ф. Москва: Наука, 1993 - 884 с.

© Беляева Дарья Андреевна (sharky36@narod.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский Государственный Гуманитарный Университет